

Сванидзе Николай

Николай Сванидзе:

«Я уже взрослый мальчик»

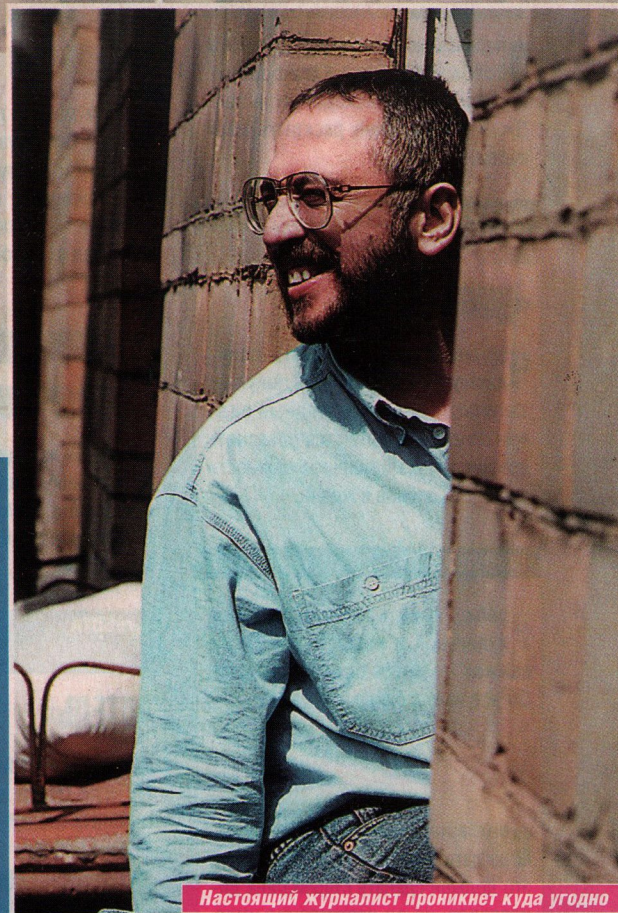
Родился в 1955 году в Москве. Окончил исторический факультет МГУ им. Ломоносова, по специальности — историк, преподаватель истории со знанием иностранного языка. На телевидении с 1991 года: комментатор программы «Вести», автор и ведущий программ «Контрасты», «Подробности», «Зеркало». С августа 1996 года — заместитель Председателя ВГТРК по информации, директор программы «Вести». С февраля с.г. — Председатель ВГТРК. Женат, имеет взрослого сына.

Шесть лет назад Николай Сванидзе был репетитором по истории, младшим научным сотрудником — одним из многих в Институте США и Канады. В январе 1991 года он пришел в телепрограмму «Вести». С этого времени его стремительная карьера — от закадрового комментатора до Председателя — напоминает даже не восхождение по служебной лестнице, а подъем на скоростном лифте.

— На телевидение меня позвали Женя Киселев и Олег Добродеев, — рассказывает Николай Карлович. — Естественно, у меня совершенно не было опыта. Я совсем не представлял, во что окунаюсь. Потому что телеведущий, тележурналист — название одно, а профессий — куча. Писать комментарий — это одно, быть ведущим — другое, быть автором и ведущим собственной программы — третье.

«На работе я — Председатель, а дома — просто муж»

Настоящий журналист проникнет куда угодно

Сванидзе в Зеркале

А я в оригинале совершенно не телевизионный человек, а сугубо академический. И сначала было трудно. Это после программы «Подробности» пришла какая-то известность, появился рейтинг, приз ТЭФИ, я как бы вышел на уровень одного из основных ведущих общественно-политических программ.

— Вам это льстило?

— Ну конечно, кому же не польстит! Даже по голове слегка ударило. Но спасло меня то, что я пришел на телевидение подготовленным и просто взрослым человеком. Психологически я это выдержал. Хотя так называемый «синдром оглядывания» — смотрят на тебя или нет? — появился у меня, когда я стал работать в кадре. Но продолжался недолго.

— Как вы восприняли себя на экране?

— Жутко, просто кошмарно! Хотя у меня вроде никогда не было особых комплексов по поводу собственной внешности, но, попав на телеэкран, я думал: что ж я так чудно смотрюсь, черт его знает, что за ро-

27.10.97.

жа такая! Вот есть Света Сорокина, на которую люблю-дорого смотреть, и тут же — я... Но привык довольно быстро. И зрители тоже привыкли, теперь воспринимают нормально.

— Ваши круглые очки — часть имиджа?

— Эти очки у меня недавно. Раньше были другие, такие здоровенные, тяжелые. А эти я сам выбирал, они мне нравятся, они смешные. Программа у меня серьезная, должность серьезная, мне нужен некий элемент легкомыслия, а то будет очень скучно. К тому же я сам по характеру человек не очень солидный — это во всем проявляется — и не тяжеловесный.

— Тогда как вы восприняли назначение на вашу более чем солидную должность?

— Спокойно, хотя это было неожиданно. Жизнь так складывается, что я уже давно готов ко всему. Несколько лет назад я был преподавателем новейшей истории, к журналистике не имел никакого отношения, а сейчас — руководитель телекомпании. Так что всякое бывает! По натуре я оптимист и всегда верю, что все перемены — к лучшему, хотя готов встретить и любые другие перемены.

— Это воздействие исторического образования — «все, что происходит, уже было много раз»?

— Пожалуй. Любое событие человек с историческим образованием воспринимает не как свалившийся на голову град. У нас нет катастрофичности восприятия тех или иных вещей. Когда я слышу говорят: «Как же все хреново!», я всегда спрашиваю: «А как?». Потому что я знаю, как бывало хреново в разные века отечественной истории. Так что историки действительно спокойнее смотрят на жизнь. И еще воспринимают исторических деятелей как живых людей. Кому-то симпатизируют, кого-то активно не любят. Например, я могу говорить с вами об Иване Грозном как о живом человеке.

— А если сотрудник уходит от вас с шумом и скандалом, как Караулов, например, он становится для вас менее реальным, чем исторические персонажи?

— Смотря с каким скандалом. Если он уходит с грязью, позволяет себе удары ниже пояса, естественно, он для меня перестает существовать.

— Когда вы были комментатором, то строили свои программы по принципу «политика есть театр». Сейчас вы по-прежнему так считаете?

— Конечно, это закон телевидения. Иначе политику не продать зрителю, а товар нужно продавать. Политику нужно продавать в красивой, брошюрованной упаковке.

— Кстати, о товаре. Как вы оцениваете РТР?

— Наша компания сейчас на переломе, у нас эпоха перемен. Сменилось поколение руководителей, и сейчас наша задача — соответствовать новому времени, соответствовать государственности нашего канала и сделать из этой государственности не проблему, а плюс. Мы загнаны в определенные рамки: не можем показывать эротические шоу по ночам, не можем давать «желтизну», а это все хорошо покупается. Для государственного канала такой способ повышения рейтинга невозможен. И я этому рад, потому что мне претит скандальность. Я всегда готов идти на конфликт, если это необходимо, но конфликт совсем другого рода. Я не люблю шарить у людей в паспортах, в декларациях, в постелях. На нашем канале этого нет, и у меня в программе этого нет. Я считаю, что это оружие, которым пользоваться недостойно. Это, конечно, лимитирует наши возможности, но, повторяю, мы должны превратить проблему в плюс. РТР должен быть каналом с чувством собственного достоинства, который не играет в «желтые игры», и мы к этому придем.

Лебедь — Сванидзе: кто кого?

— Какие еще задачи вы ставите перед РТР в ближайшем будущем?

— Чтобы нам перестали сочувствовать. Если взять телевизионщиков и политиков, то половина нас ненавидит, а половина — сочувствует. Не любят нас по разным причинам: мы не входим в группировки, коалиции, существуем сами по себе. Это не мания преследования, это правда. А сочувствуют нам и потому, что, мол, они бедные (в смысле небогатые), и бедные, потому, что им так от всех достается.

Нелюбовь, я думаю, мы будем вызывать еще большую, когда твердо встанем на ноги, но это мы переживем. А вот сочувствие меня раздражает. Я думаю, что скоро оно исчезнет. Нас должны уважать, нам должны верить, нас должны смотреть. И это произойдет довольно скоро. Здесь я мыслю не историческими категориями, а вполне реальными сроками: новый год, весна, осень следующего года.

— Что, на ваш взгляд, является самым большим достоинством и самым большим недостатком современного телевидения?

— Крайняя молодость — одновременно его достоинство и недостаток.

— Забавно слышать это от самого молодого из всех председателей телекомпаний.

— Пока я еще действительно самый молодой. Игорь Малащенко старше меня на год или два. Но вот если, дай ей Бог, Ксения Пономарева будет назначена Генеральным директором ОРТ, я лишусь этого звания — девушка меня моложе. Да и моя молодость относительна. Мне сорок два года, я уже взрослый мальчик.

— Вы все еще считаете себя более академичным, чем телевизионным человеком?

— Чем дольше я работаю на телевидении, разумеется, становлюсь все более телевизионным человеком. Но вот если вы меня спросите, кто я по профессии, я честно скажу: историк. Журналистом я себя не считаю.

Яна Плотникова

Этуш — Сванидзе: «Так внимательно могут слушать только грузины»

